

18+

Дмитрий Крещеный

Мои рассказы

Дмитрий Крещеный

Мои рассказы

<https://litres.ru/74544469>

ISBN 9785007136907

Аннотация

Сборник честной, плотной прозы на стыке эпох. Под одной обложкой собраны пронзительные житейские хроники, дорожные очерки и глубокие зарисовки человеческих судеб. От капризов старой номенклатурной «Волги» в лютый тверской мороз до пахучих летних сенокосов на Боярском лугу — автор без прикрас и глянцевого «воды» фиксирует реальность. Это жесткий психологический реализм, обнажающий изнанку системы и быта, где сквозь суровость времени всегда пробивается подлинное человеческое тепло.

Содержание

Alieni huic saeculo, domestici aeternitati.-Чужие этому веку, свои вечности	5
РАССКАЗ 1	6
Байки Ивана	7
Глава 1. Компас за сто долларов	7
Глава 2. Поезд «Восточный»	9
Глава 3. Перрон и переселенцы	15
Глава 4. Чужая зима и Мария	18
Глава 5. Последняя электричка	30
Глава 6. Бог дорог	32
Глава 7. Это самое	34
Глава 8. Чужие ящики	38
Глава 9. Две смены и пуховик	40
глава 10. Кусты смородины	43
Глава 11. Босс	45
Глава 12. Наш Олимп и подставка	47
Глава 13. Грот в Александровском саду	50
Часть 2	53
Глава 1. Провинция	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мои рассказы

Дмитрий Крещеный

© Дмитрий Крещеный, 2026

ISBN 978-5-0071-3690-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***Alieni huic saeculo, domestici
aeternitati.- Чужие этому
веку, свои вечности***

РАССКАЗ 1

«Байки Ивана и другие хроники великих девяностых» — это искренние, кинематографичные мемуары о выживании, вынужденной эмиграции и поиске себя в эпоху слома эпох. Автор без прикрас описывает тернистый путь переселенцев: от экстремальной поездки на контрабандном поезде «Восточный» до суровых будней в заснеженном Подмоскowie. Это история о том, как интеллигентный человек учится «закону тайги», балансирует между криминальными разборками, тяжелым трудом грузчика мебели и ночного сторожа, но сохраняет внутренний стержень и веру в свои силы

Байки Ивана

Часть 1

Глава 1. Компас за сто долларов

Поезд «Восточный» мерил стыки рельсов, унося нас всё дальше от родных краев. Зачем мы здесь? На этот вопрос не было одного честного ответа, скорее — тугой узел из причин, которые мы и сами не до конца распутали.

Экономика, конечно, подталкивала в спину, шепча о скрытых тупиках и туманных перспективах. Но была и дру-

гая, глубокая, почти неосознанная тяга — банальное нежелание сидеть на месте, глухое упрямство и азарт увидеть этот огромный мир своими глазами. Ведь изначально в планах горели совсем другие ориентиры: мы всерьез собирались за океан. Америка манила своими масштабами, следом за ней в черновиках наших маршрутов шла Канада. Но в последний момент маятник судьбы качнулся в другую сторону, дальние берега были решительно отложены, и мы взяли курс на Россию.

Ехали мы, как принято говорить, практически без копейки в кармане. Хотя, если быть абсолютно точными и честными перед собственной памятью, кое-какой капитал у нас всё же звенел. Целых сто долларов на двоих. Смешная, почти призрачная сумма для новой жизни, которая умещалась в одном тонком бумажнейшем листке, но для нас она была целым состоянием — нашим пропуском, нашей страховкой и символом того, что назад дороги нет. Мосты были сожжены, поезд катился на запад, а впереди ждала неизвестность, звенящая ледяным ветром.

Глава 2. Поезд «Восточный»

Электронный билет в приложении — это, конечно, красиво. Цифры, штрихкод, статус «оплачено». Но когда на первый путь подадут состав, прибывший с востока, все эти цифровые удобства сдуваются, как проколотый мяч. Потому что этот поезд привозит с собой не просто людей. Он привозит стихию.

На перроне в этот момент ловить нечего. Если ты не уперся ногами в асфальт и не прижал чемодан к коленям, тебя просто смоеет. Народу — невозможное количество. Толща, человеческий монолит, в котором дышится-то через раз. И ладно бы просто люди, но они все с баулами. Знаете, эти

огромные, клетчатые, раздутые сумки, которые размером чуть меньше самого вагона? Такое ощущение, что внутри каждого баула упакована чья-то прошлая жизнь, разобранная по кирпичикам. Вагон явно шёл с диким перегрузом. Сразу стало понятно: полдня все будут тереться друг о друга ногами в узком проходе, пытаясь просто разойтись или протаскать вещи. Своё место я, правда, нашёл, но верхние полки были забиты до отказа теми самыми баулами. Они свисали вниз плотными брюхами, угрожающе поскрипывая на стыках.

По этой живой стене лавировали грузчики. Куча мужиков, крики, вопли.

— Поберегись! Носильщики! Отойди! — орут они сорванными голосами, и в этих голосах нет никакой вежливости.

Старые проводники стоят на железных ступеньках, как капитаны тонущих кораблей.

— Отъезд! Отходи от вагона! По местам! — командуют они.

И во всей этой суматохе теряется самое главное, ради чего люди вообще приходят на вокзалы. Теряется прощание. Тебя просто засасывает в этот водоворот. Ты хочешь повернуться, сказать что-то важное тем, кто остаётся на перроне, обнять, прочувствовать этот момент разлуки — а времени нет. Секунда — и тебя толкнули, и платформа за окном медленно поплыла назад.

Нам при посадке тоже пришлось воспользоваться услугами носильщика. Вернее, обычного привокзального грузчика с тележкой, так как у нас с собой был один старый, огромный, тяжёлый мешок, который просто приподнять от земли было совершенно невозможно. Когда мы поймали этого мужика и сказали ему, к какому именно вагону нужно пробиться и подавать вещи, он замер. Посмотрел на нашу поклажу, потом на состав, тяжело вздохнул и тихо, будто про себя, пробормотал:

— Это туда?.. В этот страшный поезд?..

Но деньги были нужны всем. Он только крикнул, поправил лямку и всё-таки поехал на штурм. И мы двинулись за ним, в самую толщу.

Самым большим развлечением в те времена — ведь не было смартфонов и даже радиоприёмников, да они бы и не ловили в этой глуши, — было смотреть на проплывающие пейзажи. Кто обладал особым терпением, мог заметить, как они плавно менялись: с гор и степей на пустыни, а затем на леса, чащи и широкие реки. Это было интересно. Только очень медленно.

А еще, если кто-то думает, что спать в поезде — одно удовольствие под стук колёс, уверяю вас: это совершенно не так. Организм всё время чувствует себя на взводе, как будто ему предстоит куда-то бежать. И рельсы, даже бесстыковые, не дают расслабиться — эта непрерывная вибрация железа прошивает тебя насквозь.

Моими соседями оказались мама с дочкой. Как потом выяснилось, мама была совершенно неходячей. Сидеть она могла, но дойти даже до туалета ей было невозможно. И вот это было, конечно, трагикомедией на целых трое суток. Стоило дочке дать знак, как вся мужская часть купе мобилизовалась. Приходилось уходить из своих «номеров», дочка вешала простыню-занавеску, и мы гуляли вдалеке по коридору, пока там делались сами знаете какие дела. Поначалу стыдно, а потом привыкаешь. Лодка-то общая.

Вообще, поезд «Восточный» — это не такое простое дело, и чтобы проехать эти трое суток, нужны железные нервы. Не только из-за духоты и того, что ни одно окно не открывается. А ещё из-за того, что постоянно ходили какие-то то ли патрули, то ли кто его знает кто — в форме и без формы. Всё осматривают, обнюхивают, расспрашивают. Ходили и явные бандиты, даже не скрывая своей бандитской рожи и наружности, высматривали, кто побогаче. Слава Богу, в те времена мы одевались бедновато, взять с нас было невозможно, да и по виду нельзя было сказать, что у нас есть деньги. А у нас их действительно не было.

К дочке этой неходячей мамы патрули тоже придрались. Один навис над ней:

— Зрачки слишком расширены! Что везём?

А у неё тёмные глаза, там вообще не поймёшь — расширенные они в самом деле или нет. Но сколько мы с ней ездили, мы не заметили ничего криминального, что бы выдава-

ло эти зрачки. Проверяющие просто явно хотели, чтобы они были расширены, чтобы можно было сами знаете что сделать — обобрать до нитки или увести. Кое-как отстояли её спинами.

А перед самой конечной станцией нас ждала таможня. Такого скотского отношения к пассажирам — это только поискать надо, а ведь оно и до сих пор кое-где есть. Поезд на таможне стоял часа три с полностью закрытыми окнами и дверями. Никого не запускали и не выпускали, в том числе и в туалет, ведь туалеты в советских вагонах были с прямым сбросом на рельсы — «санитарная зона». Ни с кем договориться на месте было невозможно. Ну, оно, конечно, возможно, но только договаривались, наверное, уже перед поездкой, и всё было расписано, предрешено и разделено до нас. Мы-то кто? Мы вообще никто были, так, пассажирская масса.

Да, поезд в итоге тронулся, и, как я понял, обошлись без шмона. Ну конечно же, всё было договорено! Если бы не было договорено, неужели этот огромный поезд, чтобы он там с собой ни возил, отпустили бы просто так? Его должны были эти три часа только проверять, всё вскрывать, разрывать пакеты и смотреть всё, что можно. Они бы обязательно что-то нашли. Но нет — поезд спокойно отправился дальше. Вагон, несмотря на разные народы, был в общем-то дружный, сплочённый общей целью — достигнуть живыми и здоровыми конечной точки. Никаких претензий друг к другу не бы-

ло. Да, шумновато, храп, ходьба, но пьяных не было и громкой музыки тоже.

Только вот последнюю ночь нам поспать так и не удалось. Прямо над нашими головами, на верхних полках, в полной темноте и почти полной тишине шла какая-то невидимая, воровская работа. Проводники вскрывали верхние переборки вагонов, чем-то откручивали их, потом закручивали обратно и вытаскивали оттуда какие-то пакеты и свёртки. Весь тот контрабандный груз, ради которого этот поезд вообще шёл через границы, бережно доставался из тайников прямо над нашими лицами. Мы лежали, затаив дыхание, и слушали этот тихий скрежет отвёрток. Поезд шёл к финалу, а мы считали минуты до рассвета.

Глава 3. Перрон и переселенцы

Да, уверяю тебя, читатель: жизнь великих девяностых на этом далеко не кончалась. И все эти беспокойные, удушливые ночи под воровской скрежет отвёрток в жутком «Восточном» поезде — всё это, как выяснилось позже, было просто невинным отдыхом. Санаторием.

Настоящая жизнь обухом была по голове в тот самый миг, когда люди сбрасывали свои баулы на бетонный пол перрона конечной станции.

Когда состав замер, и толпа вывалилась наружу, вместе с утренним вокзальным туманом пришло ледяное осознание: у этих людей всё ещё только-только начиналось. Поезд уехал, рельсы кончились, и защитная простыня в купе больше не закрывала от мира. Впереди их ждали съёмные чужие квартиры, из которых могли выставить в любой день, полное отсутствие работы, хронический голод и вечное, вьедливое унижение в бесконечных кабинетах. И что только там ещё не было... Но люди брались за лямки своих неподъёмных мешков и делали первый шаг в этот город. Потому что назад дороги не было.

Нам в этом отношении, если сравнивать с остальными соотечественниками, несказанно повезло. Пока толпа с перрона растворялась в неизвестности вокзальной площади, забирая с собой свои баулы и тревоги, нас уже ждали.

Встретили нас довольно тепло. Не скажу, что это была какая-то бурная, весёлая радость — времена к пышным праздникам вообще не располагали, у каждого хватало своих забот и подспудного страха перед завтрашним днём. Но это было именно настоящее, искреннее человеческое тепло. Нас сразу забрали с этого продуваемого ветрами вокзала и повезли за город, в большой частный дом.

Там нам выделили место, и на какое-то время быт наконец-то вошёл в мирное русло. Всё было нормально, крыша над головой больше не качалась, как в тамбуре «Восточного», и никто не вглядывался в темноте в твои зрачки. Приютившие нас люди не просто дали нам угол — они даже искренне пытались на первых порах помочь нам зацепиться за этот новый мир и найти хоть какую-то работу.

Но самое главное — мы чётко знали, что оставили позади. Там, на нашей прежней, теперь уже, можно сказать, бывшей Родине, в которую мы, скорее всего, никогда больше не вернёмся, нас не ждало вообще ничего. Там была пустота. А здесь, на новом месте, несмотря на весь окружающий хаос, были надежды.

Я чувствовал себя тогда, наверное, как те самые первые переселенцы в Америку или в дикую Австралию. Думаю, они испытывали абсолютно то же самое: когда плывёшь через океан в никуда, под ногами шаткая палуба, а впереди — чужой, неосвоенный берег. Но в этой неизвестности всегда была сила. Меня всегда держала надежда, вера в себя и в свои

собственные силы. Да, конечно, впереди было всё — и трудности, и неизвестность, но пока внутри горел этот огонь, сломать нас было невозможно.

Глава 4. Чужая зима и Мария

Первое, что нас встретило на этом новом берегу и навсегда врезалось в память, была погода. Местная зима оказалась такой, с какой мы раньше в своей жизни никогда не встречались. Она оглушила, поразила и буквально переехала нас с первого же дня.

Мы-то наивно считали, что подготовились. Собираясь в дорогу, мы тщательно подбирали вещи и были абсолютно уверены, что приехали в довольно-таки утеплённой одежде. Но реальность быстро расставила всё по местам. Стоило нам выйти на улицу, как пришло ледяное осознание: вся наша «утеплённая» одежда, которой мы так гордились, для этой

суровой местности сгодились бы... ну, разве что на прохладную раннюю весну.

Холод стоял такой, какого мы даже представить себе не могли. Мороз не просто кусал за щёки — он правил здесь как полноправный хозяин. Стоило открыть рот, и вдохнуть было практически невозможно: воздух обжигал лёгкие, дышать было физически больно. Каждый вдох давался с трудом, кристаллизуясь в груди колкими иглами. Новый мир испытывал нас на излом не только отсутствием работы или чужими квартирами — он начал с самого базового, проверяя, сможем ли мы вообще выжить в этой ледяной стуже.

Дом родственников был действительно тёплый, хороший, и отношения складывались нормальные. Нас не попрекали куском хлеба и не выставляли на мороз. Но мы взрослые люди и прекрасно всё понимали. Мы чувствовали, что гости мы, скажем так, нежеланные. Свалились как снег на голову со своими баулами, мешками и неопределённым будущим. Но уж раз приехали — деваться некуда, приняли нас по-родственному. Что теперь делать?

Именно поэтому, из-за этого подспудного чувства неловкости, мы с первых же дней изо всех сил старались найти малейшую возможность уехать оттуда. Не то чтобы там было плохо, нет, быт был устроен нормально. Но это внутреннее понимание, что мы не можем и не имеем права оставаться здесь долго, жгло сильнее любого уличного мороза. Нужно было срочно искать свой собственный путь.

Мы почему-то были железно уверены — ну, во всяком случае, лично я был уверен на все сто процентов, — что работу я найду. Какую угодно. Её вокруг действительно было полно, рынок бурлил. Главное было — не перебирать харчами, а идти хоть кем.

Конечно, мы прекрасно понимали, на что идём. Дикий капитализм тех лет правил бал: на работе могли запросто обмануть, продержат тебя месяц или два на птичьих правах, выжать все соки, а потом просто выгнать пинком под зад, не заплатив ни гроша. И жаловаться было некому, ничего ты никому не докажешь и не сделаешь. Закон тайги.

Но сама возможность заработать манила. Эта работа, конечно, была бесконечно далека от моей настоящей гражданской специальности — я и близко не стоял к своему диплому. Но она существовала, за неё платили живые деньги, и оплачивалась она — по нашим скромным понятиям той, прошлой Родины, — просто сказочно.

Да, я честно пытался устроиться именно по своей гражданской специальности. И что самое обидное — вакансии-то были! Подходящие должности существовали, и меня даже готовы были смотреть. Но когда дело доходило до условий, начинался какой-то абсурд. Оплачивали этот квалифицированный труд настолько смешно, что даже для меня, приехавшего из абсолютно обнищавшего, «нищего» края, это было как-то дико и совершенно непонятно. Как можно было требовать от человека полной отдачи, знаний и опыта, предла-

гая взамен сущие копейки?

Но главным шлагбаумом стали даже не деньги. Всё нагло-хо упиралось в документы.

Мир перевернулся, вокруг теперь были совсем разные, чужие государства. Мои дипломы, справки и свидетельства, ещё вчера бывшие единым стандартом на огромном пространстве, теперь превратились в стопку бесполезной иностранной бумаги. Новым чиновникам и кадровикам не было дела до того, кем я был там, на прежней Родине. Им нужен был местный штамп, местное гражданство и местная бумажка.

И тогда пришло тяжёлое, трезвое решение. О своей настоящей специальности и карьерных амбициях пришлось, конечно, на какое-то время просто забыть.

Никакие стихийные биржи труда, объявления в газетах или тем более уличные рынки не обещали тогда тех самых сказочных условий. Наоборот: этот серый, полукриминальный мир пугал до усрачки. Там запросто могли не просто нагло обмануть с расчётом, но и в самом деле обобрать до нитки, избить или просто ограбить в каком-нибудь подворотне.

И вот тут родственники очень сильно помогли. Они понимали, как страшно нам рисковать, и нашли вариант через свои каналы. Конечно, это было место без каких-то заоблачных перспектив, но по крайней мере оно было надёжным — там не кидали, не грабили, и платили более или менее снос-

но, чтобы можно было начать откладывать.

И кем бы ты думал, читатель, оказалась эта моя первая надёжная гавань? Грузчиком. Простым грузчиком. Человек с высшим образованием, дипломом и профессиональным прошлым взял в руки лямку.

Если кто-то думает, что грузчик — это простая работа в стиле «взял побольше, понёс подальше», уверяю вас: это далеко не так. Во-первых, место, куда меня устроили родственники, оказалось не каким-то занюханным овощным складом или сырой оптовкой. Это был довольно-таки престижный, дорогой салон с импортной, заграничной мебелью. По-настоящему итальянской. В те суровые, небогатые времена такие магазины казались музеями.

И носить эту мебель было целым искусством.

Мало того что все эти лакированные шкафы, массивные комоды и резные кровати из цельного дерева были огромными и неподъёмно тяжёлыми. Главный кошмар заключался в другом. Сами понимаете, что такое коцнуть или хотя бы слегка поцарапать такую мебель. Любая малейшая царапина на глянцевом итальянском лаке, любой скол на резной ножке стола стоили таких денег, которых у меня не было и в помине. Один неверный шаг на скользком полу — и ты не просто отработаешь месяц бесплатно, ты попадёшь в такую кабалу, из которой со своими птичьими правами уже не выберешься.

На работе-то меня принять, конечно, приняли. Хозяин мебельного салона оказался человеком довольно мудрым,

всё прекрасно понимал без лишних слов. А вот что касается коллег, напарников, других рабочих... С ними всё оказалось гораздо сложнее.

Я, конечно, не смог скрыть от них, кто я на самом деле и какая у меня гражданская специальность. Как ни старайся прикусить язык, а всё равно в бытовых мелочах, в манере говорить это интеллигентское прошлое из тебя лезет. И правда о моём дипломе мгновенно положила между нами глухой, невидимый барьер. Оказалось совершенно невозможно откровенно о чём-то поговорить во время перекуров.

Я постоянно чувствовал на себе их особенный, тяжёлый взгляд. Это не был взгляд на неудачника, вовсе нет. Скорее, это была смесь настороженности и недоумения. Для них я был чужаком.

Ну, я, конечно, старался работать. Старался очень. Дело своё я делал на совесть — берёг каждую тумбочку. И эти усилия не прошли даром: в конце концов, я оказался у клиентов на очень хорошем счету. К тому же, мебель надо было не просто привезти и затащить на этаж. Её нужно было собирать. А сборщик — это уже гораздо больше и тоньше, чем просто грузчик. Тут одной тупой силы мало, здесь мозг нужен. Итальянские гарнитуры, сложные заграничные крепления, чертежи — во всё это приходилось вникать с ходу. Но жизнь такова: когда прижмёт, всему научишься. И я научился. Из безликого рабочего я постепенно превратился в мастера.

А вместе с новой квалификацией пришла и суровая изнанка этого бизнеса. Нас быстро научили обманывать и халтурить. Потому что вся эта роскошная мебель из Италии, пока ехала сюда через несколько границ, целой доезжала крайне редко. Её трясло на дорогах, швыряло на таможнях. До склада гарнитуры почти всегда добирались «ранеными».

В салоне у нас работал специальный реставратор — потрясающий старик-москвич. Помню, он всегда с особой гордостью подчёркивал: «Я москвич в третьем поколении!». Руки у него были золотые. Он творил настоящие чудеса: зати-рал царапины, выводил сколы, подбирал лак один в один. Мы с ним вместе эту мебель буквально реанимировали.

Но мало было просто замазать дефекты. Главная хитрость заключалась в том, чтобы привезти эту реставрированную вещь клиенту и продать как абсолютно новую. И вся тяжесть этой махинации лежала именно на нас — на грузчиках и сборщиках. Ты заносишь шкаф, а сам внутри молишься, чтобы хозяин не дай бог не присмотрелся к тому углу, который наш дед-москвич ещё вчера полночи шаманил на складе.

Помню один случай. Надо было отвезти довольно дорогую мебель в ближайший город. Гарнитур был роскошный, но вот в письменном столе обнаружился жуткий брак. В самой конструкции зияли такие дыры, которые залатать на месте было либо вообще невозможно, либо безумно долго и дорого. Дед-москвич только руками развёл. Время поджимало, хозяин салона требовал везти, и мы пошли на отча-

янный риск. Конструкция стола была хитрой: вся эта разбитая внутренняя часть в итоге накрывалась сверху абсолютно целой, идеальной лакированной столешницей. Снаружи всё выглядело как новенький итальянский шедевр. Мы решили: везём.

Когда мы приехали на адрес, началась настоящая войсковая операция. Шёл массовый, шумный занос мебели: грузчики сновали со всех сторон, заполняя вещами и коробками сразу все комнаты. Хозяева, несколько потерянные от этого внезапного хаоса, просто стояли посреди квартиры. Один из нас, самый языкастый, взял удар на себя — он намеренно подошёл к хозяевам, отвёл их в сторону и начал без умолку заговаривать им зубы, расспрашивая: «А вот это кресло как

нам лучше поставить? А то как поставить? Сюда лицом или к окну?». В это самое время нужно было другим максимально быстро, буквально за считанные минуты, собрать письменный стол, пока хозяева не опомнились. Руки дрожали, отвёртки летали, но парни успели накрыть разбитый каркас целой столешницей. Стол стоял посреди комнаты — монументальный, сияющий, безупречный. Мы сделали это.

Да, конечно, всё было далеко не всегда так гладко. Покупатели-то были людьми обеспеченными, с большими деньгами и претензиями. С ними надо было вести себя предельно осторожно. Далеко не всегда наши фокусы проходили незамеченными. Бывало так, что хозяин всё-таки подмечал подвох, и тогда дефектная вещь беспощадно браковалась. Нас заставляли всё разбирать, паковать обратно и везти на склад. И менять её, эту бракованную деталь, — это было в порядке вещей. Вся эта система работала на износ, и каждый заработанный рубль был буквально пропитан потом.

А ещё бывали весёлые времена, когда в салон неожиданно прилетали проверки. Налоговая инспекция, или как она там по тем временам называлась — я уже и сам забыл. Настоящие налёты. Вся торговля тогда держалась на честном слове и диком обороте. Расчёты велись исключительно наличными, кассира как такового в магазине вообще не было, но кассовый аппарат для вида стоял на прилавке. Вот только через него пробивались сущие копейки. На самом же деле в скрытых ящиках лежали огромные кучи наличных денег.

Деньги крутились большие, мебель дорогая.

И в этот момент спасителем всей конторы становился наш бедный старичок-реставратор. Поскольку дед-москвич вызывал меньше всего подозрений, всю эту огромную «чёрную» кассу хозяин мгновенно сгребал в охапку и совал ему. Налоговики потрошили столы менеджеров, а дед спокойно сидел в своём углу, обложившись банками с лаком, а у него в ящике с ветошью лежали чужие пачки с тысячами долларов. И проносило. В очередной раз проносило.

Да, кое-какие деньги в конце концов появились. Кое-какие, совсем не очень большие, но их, как ни странно, уже вполне хватало на то, чтобы снимать свой собственный, независимый угол. Да даже не угол, а комнату в частном доме. Вариант подвернулся совсем недалеко от тех самых родственников, у которых мы жили. Это было идеальное решение: мы переставали быть теми самыми «нежеланными» гостями и избавлялись от грызущего чувства неловкости.

Хозяйка дома оказалась личностью монументальной. Назовём её Марией Степановной — женщина в возрасте девяности пяти лет! Заметьте, она уверенно ходила сама, прекрасно всё слышала, отлично видела и была, в принципе, абсолютно в здравом уме. Нас, приехавших из других краёв, такое долгожительство очень удивляло. Сама комната была... ну, квартира как квартира, что её особо расписывать? Кто в те времена бывал в таких углах — тот и сам всё знает. А те, кто не был — тем уже всё равно не объяснишь.

Да, мы были рады этому. И хотя в доме был душ и ванна, но из-за того что была плохая канализация, нам строго-на-строго не позволяли ими пользоваться, только что умываться по утрам. Поэтому, чтобы помыться после тяжёлой смены, приходилось даже зимой как-то соображать. Мы грели себе воду в вёдрах и в летнем душе на улице мылись. Холод был такой, что вдохнуть невозможно, просто больно. Но знаете — не брала вообще никакая зараза. Ни разу никто даже не чихнул. Вот этот внутренний тонус, колоссальное напряжение воли держали организм в стальном кулаке. Нам нельзя было болеть.

Конечно, мы же люди — находились какие-то знакомые, не очень близкие, но было с кем перекинуться словом. Язык мы знали прекрасно, практически воспитаны были на культуре этой страны. Мы росли в этой понятной культурной матрице, поэтому ничего удивительного для нас не было.

Но именно здесь ко мне пришло одно открытие. Я наконец-то понял, что такое песня «Подмосковные вечера». Когда я жил там, на далёком Востоке, я никак не мог понять её. Ну поют и поют. У нас на востоке как было? Солнце заходит — это как будто выключатель, свет мгновенно выключается, горы кругом потому что. День — ночь, день — ночь, и никакой паузы. А здесь вечер идёт, идёт, идёт, идёт бесконечно. Вот они — Подмосковные вечера! А у нас откуда им было взяться? Только здесь, глядя в окно на этот медленный закат, я наконец-то понял эту щемящую музыку.

Да ещё можно вспомнить «Ёжик в тумане». Мы никогда на востоке не знали, что здесь такие туманы. Действительно, прямо сказочные туманы, жившие по своим законам. Это был туман такой густоты, что в нём не то что лошадь — фура, поставленная на попа, могла утонуть, и действительно не видно ничего. Мы тогда наконец-то поняли этот мультфильм.

Глава 5. Последняя электричка

Да, очень многое здесь было нам в новинку. Конечно, большое впечатление оставляла электричка. И только пожив здесь, мы по-настоящему поняли, что такое поздняя электричка. И что такое опоздать, или, наоборот, случайно уснуть от усталости и переехать свою станцию. Будильник в голове отключается, открываешь глаза — а вокруг темнота. И вот тогда ты понимаешь, что такое идти ночью по рельсам в полной темноте. Каждый шаг даётся с трудом, ботинки проваливаются в снег, но ты идёшь. Для нас это было — ну просто не знаю — самое настоящее, порой опасное приключение.

Ну и какая же электричка без безбилетного спринта? Беготня по вагонам от контролёров! Сейчас смешно вспомнить, ради каких копеек устраивались эти забеги — сначала трёх, потом пяти, потом десяти рублей. Никто не хотел отдавать кровные. На следующей станции вся толпа организовано вываливается на платформу, пробегает пару вагонов вперёд, мимо проверяющих, и прыгает обратно в чистую зону. Кстати сейчас повод познакомить вас читатели с Иваном. Таким же как мы эмигрантом из похожих на нашу Родину мест.

Кстати, и выглядел Иван почти один в один как те люди на его далёкой родине. Он был такой же черничный, со спе-

цифическим, глубоким взглядом, который невозможно перепутать, и точно с такими же вьевшимися привычками и манерами.

Я как-то раз поехал к своим родственникам в небольшой город. Путь лежал довольно далеко, и мы, по привычке, честно взяли в кассе билет, оплатили всё по тарифу. Ну как же, мы ведь привыкли платить. Иван посмотрел на этот мой билет с презрением, только цыкнул зубом:

— Ты что, сошёл с ума? Какие кассы? Дал бы ему десять рублей — и всё!

Я аж растерялся:

— Как десять рублей?..

— Да вот так! Дал ему десять рублей, говорит, морду уткнул в окно — и всё, и ничего не надо платить. Ты что, с ума сошёл?

И хотя он как-то раз меня сильно, просто по-крупному подставил, но тем не менее у меня до сих пор к нему очень тёплые отношения. Он просто сделал это не со зла — ну вот такая у него была бесшабашная натура, я на него не обижаюсь нисколько. Мало того, я бы с удовольствием с ним сейчас встретился, сел бы да вспомнил наши рейсы. Только вот жив ли он? Прошли уже целые десятки лет, дороги наши разошлись, и этот черничный человек навсегда остался там, в туманных подмосковных вечерах.

Глава 6. Бог дорог

Иван был мастером по части житейских хитростей, но как наш водитель, который возил нас на мебельные доставки, относился к категории существ уникальных. В своей кабине он был бог.

Нам один раз пришлось ехать на вызов на огромной машине — я уже сейчас и не вспомню точную марку, какой-то грузовой ЗИЛ — в состоянии металлолома. У него вообще не было тормозов. Физически! Педаль проваливалась в пустоту. Вдобавок у ЗИЛа напрочь вылетела коробка передач — она переключалась только между второй и третьей скоростью, и больше ни в какую. Ни нейтралки, ни первой.

Я сам не водитель, я обычный пассажир, и как ему это удавалось — я до сих пор не знаю. Самой машине вся эта наша езда, конечно, очень и очень не нравилась. ЗИЛ страшно дёргался, заходился в конвульсиях, скрежетал коробкой, а с крыши летел талый снег. Но техника выполняла все поручения Ивана.

Ну и главное на этом торте. Один раз на этой машине где-то протекло охлаждение. Где именно — мы так и не нашли, хотя долго искали. Пока стоишь на месте — ничего не течёт. Начинаешь ехать — всё, радиатор пустой. А попробуйте в дороге, в Столичном городе, найти обычную холодную воду! Колонок на улицах не было, автоматов не было, ничего не было. А ехать надо, задание выполнять надо. В итоге нам приходилось останавливаться каждые десять километров и доливать систему водой. А это, на минуточку, примерно два ведра воды на каждые десять километров пути! Клянчили в ларьках, набирали в промзонах, но груз мы всё-таки довезли.

Глава 7. Это самое

Разговор Иван всегда начинал одинаково. С такого особого, тягучего междометия: — Слушай, это самое... Ты слушай. Это самое, короче...

И дальше выдавал такое, от чего у нормального человека ум заходил за разум. За год нашего знакомства я наслушался всякого, но история из его любимого Шахристана до сих пор сидит у меня в голове монолитом. Зачем он это сделал — я до сих пор понятия не имею. У водителей на трассе, конечно, есть своё мрачное суеверие: съедать собаку раз в год, чтобы задобрить дорогу и не разбиться. Но у Ивана всё было совсем по-другому. Без всякой мистики. Просто шёл импульс.

Сидели они тогда в Шахристане какой-то своей компанией. То ли пиво выпивали, то ли просто отдыхали в тенике — жара, ленивый день. Мимо шёл какой-то местный мужик. На поводке вел собаку. Обычную такую собаку, не породистую, но смышлённую. Увидел компанию, притормозил и говорит: — Ребята, не хотите ли собачку? Мне её оставить совершенно некому, уезжаю. Она хорошая, добрая. Будет вас охранять, дружить с вами... Заберите, а?

Мужики переглянулись. Дело нехитрое, пускай бегают во дворе. — Ну, оставляй, — говорят.

Мужик привязал пса, поблагодарил и пошёл дальше по своим делам. Прошло совсем немного времени. Мужик то

ли что-то забыл, то ли просто решил вернуться той же дорогой обратно. Проходит мимо той же компании. Глядит — а собаки нет. Вообще нет. На заборе или на земле лежит одна только шкура свежая. И мужики сидят, благодушно закусывают. Иван, сытый, довольный, вытирает рот и своим привычным баском выдаёт: «Слушай, это самое...»

У мужика, наверное, дар речи пропал. Оставил друга и охранника, называется.

В чём ещё заключался уникальный феномен Ивана — напарника, с которым мне пришлось много работать, — так это в его топографическом чутье. Человек приехал с Востока и отработал в этих краях всего на один год дольше меня, но при этом знал Москву лучше любого коренного москвича. Когда мы отправлялись на сложные мебельные доставки, я всегда брал с собой в кабину подробную бумажную карту дорог. Иван, глядя на этот мой атлас, только искренне смеялся:

— Ты что, всерьёз по этой бумажке ехать собрался? Я ему говорю, тут, понимаешь, дороги московские выучить хочу.

И спрашивал, как же тогда ориентироваться, а он отмахивался:

— Да ты что! Смотришь вперёд и едешь. Вот и вся моя карта.

И ведь ни разу не ошибся, ни разу не заехал в тупик и никогда ничего не искал.

Время тогда было такое, и мужики в нашей небольшой бригаде подобрались под стать — каждый суров по-своему,

со своим характером и внутренней границей, за которую чужим заходить не советовалось. Своеобразный был коллектив, крепкий. Меня, например, трогать было нельзя: характер вспыльчивый, если что не так — мог тут же, не раздумывая, и в пятак зарядить. Все это знали, поэтому дистанцию держали.

Но Ивана вообще никто и никогда не решался задирать. На его молчаливое спокойствие никто не обманывался. Бригада прекрасно понимала: если этот титан всё-таки потеряет контроль и выйдет из себя — а такого, к счастью, на моей памяти не случилось, — он не станет спорить или размахивать руками. Он просто прибьёт одним кулаком. И вот эта его феноменальная способность уходить от конфликтов, не выказывая обиды, была не слабостью. Это было спокойствие сытого хищника, который знает свой вес и цену своей ярости.

При всей своей суровости и непредсказуемости Иван обладал одной редкой, удивительной чертой — он совершенно не умел обижаться. Мужик он был жесткий, тертый жизнью, но в нем абсолютно отсутствовала мелкая людская злопамятность. Даже если кто-то в лицо высказывал ему самую горькую обиду, ругал или шел на прямой конфликт, Иван никогда не взрывался в ответ и не вставал в позу оскорбленного достоинства. Он просто молча разворачивался и уходил. И по его спине, по тяжелой походке или выражению лица невозможно было прочесть ни капли обиды. Он не вынаши-

вал планов мести, не замыкался в себе и не перетирал случившееся с курилках. На следующий день он мог подойти к тому же человеку как ни в чем не бывало, бахнуть по плечу и спокойно начать: «Слушай, это самое...». Чужой гнев для него будто бы не имел веса. Он жил по своим внутренним часам и законам, и сбить его с этого ритма чужим криком было невозможно.

Глава 8. Чужие ящики

Нет, не бывало такого, чтобы мы гарнитур не довезли. Но ситуации, когда всё висело на волоске, случались регулярно.

Отправили нас как-то на дальний таможенный узел. Загрузили нам полную фуру — но уже не нашу, не мебельную машину, а огромную наёмную фуру. Мы забили её до самого потолка дорогими итальянскими комплектами и поехали отвозить до магазина. И в это время на трассе нас тормозят понятные менты.

— Документы.

А никаких документов у нас нет. Вообще никаких. Ни на груз, ни у меня, ни у водителя. А сзади — куча ящиков.

Уж не знаю, что у них там в этот момент в глазах было — доллары, скорее всего, наверное, как в старом диснеевском мультфильме у Скруджа. Я этого не видел, они, наверное, скрывали это за суровыми лицами. Но по взгляду я понял всё. Они молча сказали: «Поехали». Сели в свою машину, и мы покорно поехали за ними следом. Привезли они нас в какой-то свой внутренний узел, закрытый распределитель, где на отшибе уже плотными рядами стояли точно такие же арестованные фуры, как у нас. И что самое паршивое — у нас даже не было возможности связаться по телефону с хозяином салона. Никаких современных мобильных тогда не водилось.

Ситуация казалась глухой. Но нам удалось буквально с мольбой выпросить телефон у одного из водителей таких же фур-горемык, которые сидели там вместе с нами. Аппарат был огромный, очень похожий на ту самую громоздкую «Моторолу», которая была в самом начале эпохи, но, может быть, чуть-чуть поменьше. Но, зараза, на базе сеть не ловила. Мне пришлось долго ходить по местным холмам вокруг этого отстойника, утопая в снегу на морозе, и пытаться поймать сигнал. Нашёл! И вот так, как на фронте, через слово, через два, шныряя по холмам, мы всё-таки смогли сказать нашему хозяину, где мы находимся. Хозяин выслушал и коротко бросил: «Ждите, выезжаю».

Кстати, потом, когда всё к счастью утряслось (хозяин приехал и всё уладил по своим каналам), мне мужики на складе в один голос сказали:

— Ну вы даёте! А мы тут, честно говоря, думали, что уже ни тебя, ни этой мебели мы больше никогда не дождёмся и не увидим.

Глава 9. Две смены и пуховик

Да, было время, когда я работал на двух работах сутками буквально — в режиме 24/7. Сейчас бы посмеяться, а тогда было не до шуток. Днём я был грузчиком-сборщиком в салоне, а вечером заступал сторожем на ночную автомобильную стоянку. Если кто-то думает, что на стоянке тоже простая работа — отнюдь.

Во-первых, машины там стояли далеко не наши дешёвые «Жигули». Это был хоть и пригород, но довольно-таки приличное, сытое место, и на площадке рядами грелись дорогие иномарки. А во-вторых... мало кто в обычной жизни знает, что такое спать стоя. Раньше я тоже над этим смеялся, думал, такое невозможно или бывает только на фронте. Оказывается — нет, вполне возможно. Когда ты отпахал день на мебельном, организм в ледяной будке отключается сам. Прислоняешься к косяку — и спишь стоя.

Просто, во-первых, глубоко спать там было себе дороже — иномарки караулить надо. А во-вторых, в той камере, в которой мы всегда дежурили по двое с напарником, была специально сделана такая узенькая скамеечка-приступок. Лечь на неё по-человечески было невозможно. Вернее, приткнуться можно было, но только строго на боку, вытянувшись стрункой. Спать на ней — сами понимаете что такое, кости ломит. Поэтому нормально поспать мне там, конечно,

не удавалось никогда.

К тому же, из машин тогда воровали постоянно. Тащили магнитофоны, снимали зеркала, всякую ерунду. Надо было следить в оба глаза, чтобы не дай бог самому не попасть на деньги. Один раз у нас действительно начались кражи, и мы никак не могли поймать вора. И вот как-то раз в самые глухие часы на стоянку заехала целая небольшая бандитская бригада. Поставили машину с наглухо тёмными, тонированными окнами. Пару человек вышли, якобы просто машину на ночь под охрану сдать решили, как обычные клиенты, и ушли. А сами они всей бригадой дежурили внутри этой машины всю ночь в полной темноте. В салоне казалось — никого нет, а они сидели там тихо и следили сквозь стёкла, кто же это крысятничает на площадке. Цель у них была простая — поймать вора на месте. Убивать они его, конечно, не собирались, но планировали отделать так, чтобы он потом как следует и очень долго ходил на костылях.

Чтобы хоть как-то облегчить себе жизнь, завели мы как-то на этой стоянке собаку. Без документов, беспородный, но огромный пёс. Вообще-то сам по себе он был парень добродушный, но на вид — сущий кошмар. Вот мы и надеялись, что этот монстр своим фейсом распугает стояночных воров.

Сидел наш защитник на длинной-длинной цепи. И вот как-то раз погода испортилась, пошёл дождь. А вольера у собаки тогда ещё не было. Пёс не долго думая спрятался от непогоды под ближайшую машину — чью-то старенькую

«копейку». Дождь тем временем усиливался, перешёл в настоящий ливень. А «копейка» эта стояла на беду в небольшой низине. Вода прибывает, яму начинает конкретно заливать, и собака понимает: надо срочно эвакуироваться. Начал он оттуда выбираться, да в панике зацепился цепью за колесо и застрял.

Дождь хлещет стеной, воды в яме всё больше, бедный пёс уже начинает захлебываться. Мы с напарником в панике бегаем вокруг: машина заперта, стоит на ручнике и на передаче — руками её хрен сдвинешь! И тут собака, осознав, что ей приходит полный трындец и спасать её никто не торопится, включает режим супергероя. Этот «добродушный» пёс со страшной силой, прямо как медведь, берёт и приподнимает заднюю часть «копейки»! Цепь соскакивает, и наш спаситель — весь мокрый, грязный, но гордый — выбирается на свободу. Нам после этого зрелища даже показалось, что воры на стоянку ходить перестали просто от греха подальше.

Иногда, очень редко, но я проезжаю это место на машине. Обычно с правой стороны я вижу, что там сейчас уже далеко не стоянка — там какой-то супермаркет стоит, люди ходят. Но это место почему-то не навевает на меня никаких тревожных или плохих ощущений. Я всегда смотрю на него с какой-то особенной теплотой — как на старого, верного знакомого.

глава 10. Кусты смородины

Был такой случай. Мы с Иваном работали у одного шефа. Ну как у шефа — у его жены. Шеф был мужик нормальный, а вот жена его... Как бы помягче. Издалека — симпатичная. А при ближайшем знакомстве — дура душой. И это ещё комплимент. В общем, поручила она нам привести к ней домой за город пару кустов смородины. Кусты она сама купила на рынке недалеко от салона, где делала маникюр. Дело было зимой. Или очень ранней весной. Но холод был собачий. Градусов минус пятнадцать, не меньше.

Сели мы в шефскую «Волгу». Последний выпуск, красивая, чёрная, как рояль. Иван за руль. Судя по всему, он на неё садился первый раз в жизни. Я — рядом. Кусты бросили в багажник. Поехали.

Ехали долго. За город. Вечерело, надо включать свет, Иван не может найти включатель. Смородина все еще наверное жива. Я выхожу наблюдаю за фонарями Иван крутит ручки. Холодает уже всерьез. Нашли. Едем. Кончается бензин. Холод, смородина не железная. Ищем заправку. Нашли. Заехали. А куда заправлять — ни он, ни я не знаем. Бака не можем найти. Искали-искали, минут двадцать. Смородина мерзнет. Плевать на эту смородину, но вспомнишь дуру и становится неуютно. Крышку бака, или горловину — всё перерыли. Хочешь верь, хочешь нет — еле нашли. Сейчас

меня спроси, где эта крышка — я и не вспомню. Мужики на заправке долго над нами смеялись. Ржали так, что чуть не попадали. Ну, заправились. Решили проверить кусты. Открываем багажник — ключ поворачиваем, а собачка, которая держит замок, возьми и отвались. От мороза, что ли. А внутри — смородина. На улице минус пятнадцать. Ну всё, думаю, кирдык. Замёрзнет — шефша нас живьём съест. Она же дура порядочная, мы понимали, что за смородину она нас прибьет.

Поехали дальше. Думаю, заедем по дороге куда-нибудь, что-нибудь придумаем. Ехали-ехали. Приехали. Заехали к знакомым. Давай пытаться открыть багажник. Как его откроешь? Ключи не подберёшь. Собачились-собачились, ни черта не открыли. А мне уже надо было ехать домой. Электрички, как назло, не бесконечные. Иван поехал на «Волге» к шефше дальше. Чем закончилось — я уже не знаю. Да, честно говоря, и не помню. Так что, приступая к пересказу, скажу одно: весело было. А смородина, надеюсь, выжила. Хотя в той «Волге» с ней и не такое могло случиться.

Глава 11. Босс

Насчёт шефа нашего, хозяина салона — человек он был, конечно, богатый, но лишних понтов не любил. Зимой ходил в пуховике — весьма такой приличной, качественной, наверное, дорогой куртке. И вот как-то раз среди зимы решил он сменить фасон. Купил новое, а старый пуховик просто вынес мне на складе, протянул и говорит: «На, носи». Я надел — и ожил, никакой мороз меня больше не брал.

Но тут на меня накинута его жена — та самая дура, которую я упоминал в истории со смородиной. Увидела меня в магазине и давай орать на весь зал:

— Это что ты на себя надел?! Быстро снимай! Я эту куртку вообще-то своему отцу хотела отдать!

Визгу было много. Но во мне тогда тоже всё закипело. Дошло до того, что я посмотрел на неё и отрезал:

— Знаешь что? У меня здесь один хозяин — твой муж. А ты пошла нах.

Развернулся и ушёл.

Шеф тогда, к слову, меня не уволил. Мудрый был мужик, выслушал и молча оставил всё как есть. Она, пожалуй, единственный человек из всего моего лихого прошлого, которого я сейчас не могу вспомнить добрым словом. Хотя о покойниках плохо говорить не принято, но она никаких других ассоциаций у меня не вызывает. Действительно была дурой —

и как продавец, и как человек, и как женщина.

Чего шеф с ней связался — я до сих пор не понимаю. Ну ладно, внешне она была, конечно, худенькая такая. Если смотреть издалека, так, знаете, с расстояния хороших ста метров, то, может быть, она ещё что-то и стоила из себя. Но я-то знал её со всех сторон, не подумайте чего то. Как-то раз сам шеф с усмешкой рассказывал мне историю. Приходит он уставший домой после работы, а она ему на ужин тарелочку какого-то лёгкого салата выставляет. Сама на диете растительной. Шеф посмотрел на эту траву, у него от злости всё закипело, он развернулся, пошёл на рынок, купил себе пару килограмм мяса, пожарил его и сам в одно лицо съел.

Глава 12. Наш Олимп и подстава

Да уж, мы более или менее жили так. Конечно, так дальше было не нельзя. Хотя в те годы тысячи людей годами жили именно в таком режиме скитаний, но это было не про нас. Мы всё-таки животные домашние — нам жизненно необходим был свой собственный, постоянный уголок.

Чтобы этот день настал, мы продали всё, что только могли продать на своей старой Родине. Выскребли всё дочиста, сожгли мосты. И после долгих-долгих, изнурительных поисков купили себе квартиру. На самом краю области, на самом высоком, девятом этаже панельного дома. Самую-самую маленькую квартирку, которую только можно представить. Но это была своя квартира! Один зал, крохотная кухонька, туалет да коридорчик.

Жильё это оказалось весёлым. На старой родине я то ли давно в таких условиях не обитал, то ли вообще никогда с подобным не сталкивался. Это был не просто дом — это было какое-то настоящее убежище дикого племени. Там собрался весь цвет маргинального мира: алкаши, убийцы, разбойники, наркоманы — всё это в одном месте. Когда-то при Советской власти этот дом строили для одиноких пенсионеров, но в лихие девяностые, он стремительно перешёл в совершенно иную категорию.

Внутри нашей квартиры на первых порах была абсолют-

ная пустота. У нас ведь вообще ничего не было с собой. Мы спали прямо на полу, на куске поролона, который я втихомолку, тайком умыкнул из нашего мебельного салона. Огромный пласт технического поролона, на котором реставратор дед-москвич обычно шаманил итальянские комоды. Стыдно было перед шефом? Ужасно. Но выбора не было. И вот мы лежали на полу на этом поролоне на девятом этаже, а за стеной бушевало «убежище племени».

Нет, ты не угадал — хозяин про этот кусок поролона даже не вспомнил. Он помнил про другое. На складе исчез украденный Иваном очень хороший, дорогой технический утеплитель метров на пятьдесят квадратных, который шёл в комплекте к мебели. За ним особо никто не следил, вот Иван его и прибрал к рукам. Но самое поразительное — Иван умудрился как-то так гладко перевести все подозрения на меня! Как ему это удалось — я до сих пор не знаю. А я стоял перед шефом и думал: нафига, скажите пожалуйста, мне вообще был нужен этот огромный пятидесятиметровый рулон промышленного утеплителя? Куда мне его девать в пустую однушку на девятом этаже? Но Ивану всё сошло с рук. Вот она и вылезла — та самая крупная подставка Ивана, о которой я вспоминаю с такой странной теплотой.

Да самому шефу на этот рулон было наплевать. Больше было не наплевать его жене — зачем он ей был нужен, остаётся только догадываться. Мне он был совершенно без надобности. Да и к тому времени я в мебельном салоне уже и

не работал.

Глава 13. Грот в Александровском саду

Я ушёл из салона. Во-первых, эта дорога меня окончательно вымотала: ехать в этот салон мне приходилось ровно два часа, и в общей сложности путь туда и обратно занимал долгие четыре часа в день. Понятно, мне это жутко не нравилось. И как-то раз по пути на работу в поезде у меня сильно прихватило живот. Боль была такой, что пришлось экстренно выйти на первой же попавшейся, ближайшей станции, чтобы просто прийти в себя. И вот с этого случайного полустанка судьба моя кардинально и бесповоротно измени-

лась. Я стоял на платформе и в сердцах сказал сам себе: «Да к чёрту! К чёрту этот салон, пойду-ка я наконец и найду работу по своей законной специальности!»

Тем более к тому моменту гражданство и прописка у меня уже были конкретные, настоящие. С ними было совершенно не стыдно идти наниматься на нормальную службу. И маятник судьбы качнулся в мою сторону. Конечно же, меня взяли тут же! Буквально в тот же день, да сразу на две работы. На одной должности я стал заместителем главного врача, на второй — заведующим отделением. А чуть позже добавилась и третья — и там я тоже был заведующим отделением. Вот так-то.

Я в это время, да и сейчас частенько, вспоминаю моей жене, моей боевой подруге, один наш день из самого-самого начала этого длинного пути. Мы тогда сидели в Охотном ряду, в Александровском саду, прямо напротив знаменитого Грота. Было лето, солнце. И она — мой стойкий, строгий следователь — сидела на скамейке и буквально редела в три ручья. А мне в тот момент было очень хорошо — тепло, птицы поют, мосты сожжены. Я тогда сидел, смотрел на неё и думал: ну чего она ревет? Всё же нормально!

Это уже потом я понял. Она редела о том, что её муж, обладая такой колоссальной медицинской квалификацией, остался в чужой стране абсолютным безработным, вынужденным таскать чужую мебель и спать стоя на ночной парковке. Ей было до безумия обидно за меня, за этот потерянный

ный статус. Всё это время она держала эту боль в себе, но в тот день у Грота её выдержка просто дала сбой.

Но меня на всём этом ломающем пути всегда держало одно железобетонное чувство: я всё могу и я всё сделаю. В этой новой реальности меня не пугало вообще ничего — ни суровые грузчики со своими барьерами, ни ночные сторожа, ни бандиты, никто. И я всё-таки добился своего. Первая часть пути была окончена.

Часть 2

Глава 1. Провинция

В новой жизни, где халат и кабинет вернули мне прежний вес, всё закрутилось с бешеной скоростью. Две работы, потом третья, бесконечные пятиминутки, отчеты, тяжелые пациенты — я снова был в своей стихии, на своем законном месте. Но старые привычки, въевшиеся в кожу за месяцы на парковках и в мебельных цехах, так просто не уходили. Иногда, проходя мимо зеркала в ординаторской, я ловил себя на мысли, что до сих пор оцениваю прочность дверных косяков или прикидываю вес шкафа, будто мне снова нужно тащить его на пятый этаж без лифта. Ментальные мозоли заживали гораздо медленнее, чем сходили настоящие.

Моя жена тоже привыкала к этому новому ритму. Её следовательская выдержка, её стальной внутренний стержень никуда не делись, но здесь, на новом месте, ей пока приходилось ждать своего часа. Её собственная служба в органах была ещё впереди — впереди были подтверждения документов, проверки и долгие бюрократические круги. Но то глубокое, давящее отчаяние, от которого она редела у Грота, наконец-то отступило. В её глазах, когда она провожала меня на дежурство, появилось спокойное, тихое облегчение. Главное

было сделано: тыл восстановлен, почва под ногами просела, но выстояла. Мы больше не тонули.

Как-то раз, уже поздней осенью, я задержался на работе. Город заливало холодным, вязким дождем, который напоминал мне о тех бесконечных ночах на открытой стоянке, когда пальцы примерзали к поручням, а единственным спасением был термос с дешевым кофе. Я стоял у окна своего кабинета, смотрел на огни проезжающих машин и поймал себя на странном ощущении. Страх не было. Не было той глухой, давящей тоски, которая преследовала меня в четырехчасовых поездках до мебельного салона и обратно. Была только чистая, звенящая уверенность: всё, что было пройдено — пройдено не зря. Каждая ступенька, каждый баул, каждый чужой капризный шкаф были просто ценой за этот вид из окна. Наша настоящая жизнь наконец-то возвращалась на свои рельсы.

Но сама эта больничка... Находилась она в маленьком провинциальном городке. Больница-то была самая что ни на есть настоящая: со всеми положенными отделениями, со своей хирургией, терапией и приемным покоем. Вот только оснащено всё это хозяйство было старым-престарым, жутко изношенным оборудованием, которое помнило, кажется, еще доперестроечные времена. Работать приходилось на чистом энтузиазме и старой доброй смекалке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.